

Д. Б. Тискин

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
daniel.tiskin@gmail.com

НИ- И НИ... НИ: ДИСТРИБУЦИЯ И УСЛОВИЯ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ

В статье обсуждаются особенности дистрибуции повторяющегося союза *ни... ни* в русском языке, которые могут помочь уточнить его синтаксическое и семантическое описание. Существенная трудность такого описания состоит в том, что различные типы употреблений этого союза указывают, на первый взгляд, на несовместимые его свойства: либо этот союз имеет конъюнктивное значение и лицензируется над отрицанием, либо его значение дизъюнктивное, а лицензируется он под отрицанием. Сходные единицы в других языках в недавних работах описываются вторым способом, однако, как мы покажем, для некоторых употреблений *ни... ни* может оказаться привлекательной конъюнктивная трактовка. В связи с этим мы предлагаем описание *ни... ни* как единицы с двойным лицензированием: как единица отрицательной полярности этот союз порождается в контексте отрицания и является одним из проявлений отрицательного согласования [Zeijlstra 2004] в русском языке, однако как единица, вовлекающая в интерпретацию доменные альтернативы [Chierchia 2013], он вынужден претерпевать передвижение в позицию выше отрицания и интерпретируется там как конъюнкция. Такое решение привлекательно ещё и в том отношении, что позволяет описывать случаи употребления *ни... ни* в отсутствие частицы *не* не как исключения, а как проявление общей закономерности.

Ключевые слова: отрицание, отрицательная полярность, отрицательное согласование сочинение, сфера действия.

В значительной части своих употреблений русский союз *ни... ни* находится в пределах одной клаузы с отрицательной частицей *не*, что позволяет классифицировать его как элемент отрицательной полярности или, в терминах концепции отрицания Х. Зейлстры, отрицательного согласования. С другой стороны, существуют и такие употребления, где *ни... ни* не соседствует с отрицанием или же расположен выше его в синтаксической структуре предложения; кроме того, даже в пределах клаузы с *не* нельзя заранее исключать, что *ни... ни* лицензируется не под

отрицанием, а над ним. В настоящей статье мы, предприняв краткий обзор исследований единиц отрицательной полярности в §1, обратимся к поведению *ни... ни*, которое будем рассматривать в отдельности от поведения частицы *ни-* (см. §2). В §3 описаны случаи, способные составить проблему для дизъюнктивной трактовки *ни... ни*, а в §4 предлагается конъюнктивный анализ. §5 кратко описывает дополнительное преимущество такого анализа¹.

1. Две стороны проблемы лицензирования

Проблема дистрибуции русских отрицательных местоимений на *ни-* и повторяющегося союза *ни... ни* может рассматриваться с двух сторон: со стороны синтаксических требований к контексту, делающему возможным употребление этих единиц, и со стороны их собственной семантики и семантических свойств контекстов их употребления. Нельзя заранее исключать, что ограничения, характеризующие их употребления, носят чисто синтаксический характер (каковы, вероятно, ограничения на селекцию: например, сочетается данный матричный глагол с финитной клаузой, инфинитивной клаузой или номинализацией), но они могут также носить чисто семантический характер (как запрет на *#делиться на три за пять минут* в отсутствие весьма специфического контекста) или иметь смешанную природу. Объяснение, выводящее дистрибуцию из семантики, т. е. из свойств, в той или иной мере доступных не зависящей от дистрибуции оценке, может представляться более привлекательным, чем объяснение, постулирующее у самих единиц с *ни-* или у сочетающихся с ними элементов контекста чисто синтаксические, неинтерпретируемые признаки. С другой стороны, в случаях, когда некоторые аспекты поведения исследуемой единицы не удаётся с очевидностью связать с её значением, приходится прибегнуть к постулированию чисто синтаксических признаков в надежде на будущее подтверждение гипотезы независимыми — пусть даже вновь исключительно дистрибутивными — данными.

Две линии описания: синтаксическую и условную семантическую — можно выделить в новейшей истории работ, посвящённых отрицательному согласованию в языках мира и в теоретической перспективе. С синтаксической точки зрения [Zeijlstra 2004] русский язык относится к языкам с отрицательным согласованием (Negative Concord), т. е. к таким, в которых несколько «отрицательных на вид» элементов в пределах клаузы соответствуют единственному оператору отрицания в семантическом представлении этой клаузы. Противоположность этому типу — языки с двойным отрицанием (Double Negation), например литературный английский, где если несколько отрицательных элементов в пределах клаузы вообще возможны, то каждый из них вносит в семантику один отрицательный оператор. Говоря точнее, среди языков с NC русский попадает в группу языков со строгим (strict) NC, т. е. таких, где согласовательный характер отрицательных элементов

¹ Настоящая статья является развитием идей, изложенных в [Тискин 2019], и потому в значительной мере пересекается с названной работой по содержанию.

сохраняется у них и в позиции перед сентенциальным отрицанием, а не только после него (как, например, в испанском). Формальное описание этой системы также может носить чисто синтаксический характер, как это и происходит у Х. Зейлстры. Его идея состоит в том, что в языках со строгим отрицательным согласованием ни один из отрицательных элементов в клаузе, включая собственно отрицательный показатель типа русского *не*, не является носителем значения отрицания. Эту роль выполняет нулевой оператор (назовём его *Op*), расположенный достаточно высоко в дереве структуры и контролирующий оттуда согласование по отрицанию других элементов клаузы. Соответственно, вне отрицательных контекстов употребление *ни-* запрещено, поскольку там нечему проверить его признак [*uNEG*]. Отрицательность контекста при этом на самом деле определяется не присутствием *не* (это ведь тоже элемент с неинтерпретируемым признаком [*uNEG*], нуждающимся в проверке), а присутствием *Op*. К сильным сторонам такого решения, помимо его способности объяснить основные черты дистрибуции *ни-*, можно отнести, в частности, способность объяснить приемлемость эллиптических ответов, как в (1).

(1) Кого ты встретил? — Никого *Op* я не встретил.

Если бы *не* несла отрицательное значение сама, эллипсис в (1) противоречил бы общему положению о том, что элидируемый материал должен совпадать с лицензирующим эллипсис фрагментом. Если же допустить, что *не* не несёт значения отрицания, а несущий его *Op* не элидируется (хотя и не произносится, поскольку он всегда нулевой в русском), то этой проблемы не возникает.

Семантическими свойствами изучаемых элементов Зейлстра в своём объяснении не пользуется, определяя их так, чтобы описанный им синтаксический механизм приводил к наблюдаемым интерпретациям предложений с *ни-*. Местоимения с *ни-* он трактует как свободные переменные, которые все вместе — сколько бы их ни было в клаузе — связываются *Op*, чьё значение не сводится к отрицанию, а включает ещё существование, т. е. имеет вид ‘ $\neg\exists$ ’. Распространяя это решение на случай *ни... ни*, мы могли бы считать, что *ни Вася, ни Петя* — это своего рода свободная переменная, чей пробег ограничен множеством {Вася, Петя}, а *Op Я не видел ни Васю, ни Петю* означает ‘не существует *x* из множества {Вася, Петя}, которого я видел’.

С другой стороны подходят к описанию отрицательно-согласовательных элементов авторы, следующие традиции Дж. Кьеркья [Chierchia 2013]. В этой традиции предполагается, что ограничения на употребление этих элементов, выглядящие как грамматические запреты, в конечном счёте семантически (или прагматически) мотивированы. Более конкретно речь идёт о том, что значения самих этих элементов или нулевых операторов, ассоциированных с ними, таковы, что при помещении в некоторые контексты значение предложения в целом оказывается самопротиворечивым. Такое объяснение требует сначала признать возможным, чтобы противоречивость вела к грамматической неприемлемости. Если принять это, удастся описать, к примеру, дистрибуцию англ. *any*: во-первых, потребуется считать, что *any* означает то же, что и *some*, но требует лицензора (эта часть объяснения не вполне семантическая); во-вторых, необходимо допустить,

что этим лицензором выступает нулевой оператор O_D на левой периферии клаузы, чьё значение таково: ‘клауза, к которой присоединён оператор, является истинным высказыванием, но из её (под)доменных альтернатив истинны только те, которые логически следуют из неё’. Поддоменные альтернативы — это фактически та же самая клауза, проинтерпретированная на меньшем множестве объектов. Так, *I didn't see anyone* означает

- (2) ‘(a) Неверно, что я видел кого-то, и (b) если рассмотреть не всех людей, а только какое-то их подмножество, то я не видел никого из этого подмножества, только если это следует из (a)’.

В этом конкретном случае (b) не привносит ничего нового в значение предложения, поскольку если я не видел никого из большего множества, то я не видел никого и из его подмножеств. В случае неприемлемого **I saw anyone*, однако, становится ясна блокирующая роль части (b): его значением оказывается

- (3) ‘(a) Я видел кого-то, и (b) если рассмотреть какое-то подмножество людей, то я видел кого-то из этого подмножества, только если это следует из (a)’.

Но в этом случае (b) ложно, поскольку из того, что я видел x или y , не следует ни то, что я видел x , ни то, что я видел y . Поэтому и **I saw anyone* всегда ложно, а неизбежная ложность, согласно излагаемой теории, делает предложение неприемлемым.

Аналогичным способом объясняет дистрибуцию *ни-* в сербохорватском языке Й. Гайич [Gajić 2016, 2018]. Если перенести её трактовку на русский материал, получится, что *ни-* обозначает ‘существует’ и лицензируется O_D . *Я не видел никого* приемлемо, поскольку его значением оказывается (2), а **Я видел никого* неприемлемо, поскольку имеет самопротиворечивое значение (3). Такой подход имеет некоторые достоинства, например он способен объяснить, почему *ни... ни* лицензировано в контекстах, где отрицание располагается ниже его в синтаксической структуре [Pareto 2014]:

- (4) И это при том, что ни нефть не подешевела, ни дефолта не стряслось. [Георгий Ильичев. Президент требует найти деньги для учителей (2002) // «Известия»]²

Объяснение может состоять в том, что, хотя согласуемый с *Op* элемент *не* действительно располагается ниже *ни... ни* (это видно из того, что *ни... ни* сочиняет клаузы, уже содержащие *не*), сам *Op* в (4) единственный и расположен выше *ни... ни*. Действительно, возможны, хотя и нечасты, случаи, где выше *ни... ни*, сочиняющего клаузы с *не*, располагается ещё один элемент с *ни-*:

- (5) И вообще, почему никто ни писем не шлет, ни в гостевую книгу ничего не пишет? [Araneum]³

² Пример из Национального корпуса русского языка, <http://ruscorpora.ru>.

³ Пример из корпуса Araneum Russicum Maximum, <http://unesco.uniba.sk>.

2. Ни- vs. ни... ни?

Несмотря на то что с интуитивной точки зрения в случае префикса *ни-* и союза *ни... ни* мы в каком-то смысле имеем дело с одной и той же морфемой, известен ряд различий в их синтаксическом поведении. Так, в [Былинина 2003] отмечается контраст в (6).

- (6) а. *Я не просил, чтобы он никуда ехал.
б. Я не просил, чтобы он ехал ни в Москву, ни в Петербург.

Возможно, природа этого контраста в том, что сочинённая структура в (6б) претерпевает передвижение («подъём правого узла») в позицию, более локальную по отношению к отрицанию (и, что более существенно, по отношению к *Op*, расположенному в главной клаузе выше отрицания). На наш взгляд, с аналогичным улучшением после передвижения мы имеем дело в (7), где возможное в разговорной речи (7б) более приемлемо, чем (7а).

- (7) а. ?*Я не видел, чтобы ни Маша, ни Саша приходила <приходили>.
б. ?Я не видел / ни Маша ни Саша чтобы приходила.

Кроме того, в [Пазельская 2006] отмечено существование примеров типа (8), где поверхностная структура предложения не содержит отрицания, что на первый взгляд противоречит тезису о необходимости лицензора для *ни... ни*:

- (8) Лаврик знал, что — всё, что — конец, и это ни удручало, ни вдохновляло, ни забавляло его. [Андрей Битов. Вкус (1960–1999)]

Я. Г. Тестелец [Тестелец 2008] рассматривает такие примеры как особый случай, требующий заранее данного множества альтернатив (т. е. чтобы ‘удручать’, ‘вдохновлять’ и ‘забавлять’ составляли заранее ясный список возможных чувств, противопоставленных друг другу и исчерпывающих пространство возможностей); ниже мы предложим трактовку, объединяющую такие примеры с общим массивом случаев лицензирования *ни... ни*.

В дальнейшем в центре нашего внимания будут союзные употребления *ни-*. Мы покажем, что для некоторых употреблений *ни... ни* предпочтительной выглядит трактовка, при которой союз рассматривается не как дизъюнкция — отрицательно поляризованный эквивалент *или*, лицензируемый под отрицанием, а как конъюнкция — требующий особого лицензирования эквивалент *и*, на некотором этапе деривации передвигающийся за пределы сферы действия отрицания.

3. Проблема сферы действия

Для предложений типа *Не пришёл ни Вася, ни Петя* можно представить себе как минимум две альтернативные трактовки: либо *ни... ни* означает то же, что и *или*, и имеет сферу действия под отрицанием, так что значением предложения в целом оказывается ‘Неверно, что пришёл Вася или пришёл Петя’, либо значение *ни... ни*

то же, что у *и*, но его сфера действия шире, чем у отрицания, так что предложение в целом получает интерпретацию ‘И для Васи неверно, что он пришёл, и для Пети неверно, что он пришёл’. В данном случае две интерпретации эквивалентны; как мы видели, анализ Й. Гайич для сербохорватского следует экзистенциальной стратегии для *ни*-, которой для *ни... ни* соответствовала бы дизъюнктивная.

В русском языке, однако, имеются случаи, в которых преимущества дизъюнктивного анализа неочевидны. Таковы примеры, где в составе одного из членов, сочиняемых *ни... ни*, есть кванторная группа: если окажется, что такая кванторная группа имеет сферу действия над отрицанием, то придётся признать, что и сам *ни... ни* имеет сферу действия над отрицанием, иначе пришлось бы признать, что кванторная группа может выдвинуться из сочинённой составляющей на уровне логической формы, чтобы получить сферу действия над отрицанием. Но если *ни... ни* имеет сферу действия над отрицанием, то его приходится считать конъюнкцией, а не дизъюнкцией.

Примеры интересующего нас типа встречаются для различных кванторных слов, но многие из них, будучи взяты в отдельности, допускают альтернативный анализ. Так, в (9) интерпретация, при которой *большинство* имеет более широкую сферу действия, чем отрицание, как минимум возможна, а то и предпочтительна:

- (9) Ни мы, ни большинство других серьезных страховщиков не участвует в этом рынке. [Google]

Представим себе ситуацию, в которой существует семь «других серьёзных страховщиков», причём четыре из них не участвуют в рынке. В такой ситуации не только неверно, что большинство страховщиков участвует в рынке, но верно, что большинство страховщиков в рынке не участвует. В ситуации же, где существует только шесть «других серьёзных страховщиков» и три из них не участвуют в рынке, неверно, что большинство страховщиков участвует в рынке, но неверно и то, что большинство не участвует в рынке: участвующих и не участвующих оказывается поровну. При этом (9) вполне допустимо в первом из описанных сценариев, а значит *большинство* имеет сферу действия над отрицанием.

Аналогично, (10) имеет интерпретацию, при которой говорящий не успевает отвечать никому из адресатов, а не только не успевает делать так, чтобы все его адресаты получали ответы вовремя:

- (10) Она пишет сейчас часто, но мне не удастся своевременно отвечать ни ей, ни всем другим адресатам. [В. Н. Гельфанд. Дневники 1944–1946 гг. (1944–1946)]

Это означает, что и для (10) оказывается возможной интерпретация, при которой квантор *всем* имеет более широкую сферу действия, чем отрицание. Таким же образом можно подходить к (11), где предпочтительна интерпретация ‘Найдутся такие три четверти населения, которые не понимают’ в отличие от интерпретации ‘Неверно, что найдутся такие три четверти населения, которые понимают’ (последнее было бы истинно, например, если бы понимала ровно половина населения).

- (11) И зачем вы все туда полезли, кроме как для личного благополучия, ни я не пойму, ни три четверти населения страны. [Agameum]

Ко всем до сих пор приведённым примерам применимо возражение (сформулированное, в частности, Д. М. Зеленским в устном сообщении) о том, что для них возможен альтернативный анализ: вместо полноценной сферы действия кванторных групп в них можно говорить о референциальной или специфической интерпретации этих кванторных групп, при которой они либо вовсе теряют квантификативный характер и обозначают конкретное множество индивидов (какое-то конкретное большинство, определённым образом выбранные три четверти населения или всех адресатов как нечленимую совокупность), либо должны описываться с использованием квантификации неиндивидуального типа, для которой принципы определения сферы действия иные. Мы допускаем такую возможность, однако существуют и такие примеры, где в роли кванторного слова выступает *каждый*, не допускающее коллективной интерпретации в противоположность *все*:

- (12) Их накопление превращает окружающую среду в натуральный мусорник, чего ни Англия, ни правительство, ни каждый англичанин не хотят. [Agameum]
- (13) Ни ты, ни почти каждый другой зритель на это не способен часто от слова совсем... [Google; единичный]

Таким образом, не претендуя на то, что наш вывод касается всех употреблений кванторных слов внутри составляющих, сочиняемых *ни... ни*, мы всё же полагаем, что как минимум для некоторых говорящих возможно приписывание кванторным группам широкой сферы действия относительно отрицания, что, в свою очередь, означает, что *ни... ни* в их идиолектах переосмыслен как конъюнкция вне сферы действия отрицания. Это не означает, что у тех же говорящих *ни-* обязательно переосмыслен как универсальная квантификация над отрицанием.

4. Анализ конъюнктивного *ни... ни*

Поскольку возможность получать сферу действия над отрицанием не означает возможности лицензирования в отсутствие отрицания, мы предлагаем комбинированный анализ, при котором необходимость в отрицании объясняется требованием проверки формального признака в духе Х. Зейлстры, а последующее передвижение за пределы сферы действия отрицания (не показателя *не*, а нулевого оператора *Op*) связано с необходимостью избежать противоречивой семантики в духе Дж. Кьеркья.

Мы предполагаем, что *ни X, ни Y* порождается в позиции, расположенной ниже *Op*, и благодаря этому неинтерпретируемый признак [*uNEG*], который он несёт, может быть проверен *Op*. Однако, помимо [*uNEG*], *ни... ни* несёт ещё признак [*uD*], который должен быть проверен другим оператором на левой периферии, E_D , расположенным выше *Op*. Хотя эта проверка возможна и на расстоянии, *ни X, ни Y* всё равно передвигается в позицию между E_D и *Op*. Это происходит по следующей

причине. Семантика *ни... ни* конъюнктивная, т. е. *ни... ни* — требующий особого лицензирования эквивалент *и*. Семантика же E_D — аналог семантики *даже*, в котором пресуппозиция *даже* превращена в часть ассерции, т. е. ‘клауза, к которой присоединён оператор, является истинным высказыванием, а все её доменные альтернативы следуют из неё’. При этом в [Nicolae 2012], где предлагается аналогичный оператор, под доменными альтернативами имеются в виду наддоменные (какими являются x, y и z и x, y, z и k по отношению к x и y), а у нас поддоменные, как выше (такими альтернативами для x и y являются сами x и y). Поэтому если логическая форма предложения *Я не встретил ни Колю, ни Толю* имеет вид (14), то её интерпретацией будет (15).

(14) E_D [ни Колю, ни Толю]₁ [λ_1 [*Ор* я (не) встретил t_1]]

(15) ‘(а) И Колю я не встретил, и Толю я не встретил; (б) для Коли в отдельности и для Толи в отдельности то, что я его не встретил, следует из того, что я не встретил Колю и Толю’

В этом случае часть (б) не добавляет ничего нового к части (а), поскольку если я не встретил Колю и не встретил Толю, то автоматически верно, что кого-то одного из них я тоже не встретил. Если бы *ни Колю, ни Толю* не претерпела передвижения, то мы имели бы дело с логической формой в (16) и интерпретацией в (17):

(16) E_D [*Ор* я (не) встретил [ни Колю, ни Толю]]

(17) ‘(а) Неверно, что я встретил как Колю, так и Толю; (б) для Коли в отдельности и для Толи в отдельности то, что я его не встретил, следует из того, что я не встретил как Колю, так и Толю’

В этом случае (б) выполняет блокирующую функцию, знакомую нам по (3): из того, что я не встретил как Колю, так и Толю, ¬(встретил Колю & встретил Толю), не следует ни что я не встретил Колю, ни что я не встретил Толю. Поэтому часть (б) ложна, а значит, ложно и (17) в целом. Поэтому без передвижения *ни Колю, ни Толю* предложение в целом было бы всегда ложно; передвижение есть способ избежать этого. Тем не менее, сами X и Y в составе *ни X, ни Y* могут как интерпретировать в итоговой позиции, куда передвинулась вся составляющая *ни X, ни Y*, так и реконструироваться в исходную позицию; этим могут объясняться неоднозначности в примерах (9)–(13) для тех носителей, которые ощущают их там. Ср. ещё вариативность выбора местоимения в (18)–(19), которая может указывать на опциональность реконструкции: если реконструкция происходит, местоимение оказывается внутри сферы действия *Ор*, так что оказываются доступны и местоимения на *ни-*, и местоимения на *-либо*, как и вообще в контекстах отрицания [Падучева 2013].

(18) В это время рядом не было ни тёщи — она не могла улететь из Австралии, — ни никого из родных. [Вячеслав Фетисов. Овертайм (1997)]

(19) У ханского шатра не было ни самого хана, ни кого-либо из его семьи или знатных вельмож. [Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)]

5. Трактовка случаев без *не*

Вернёмся с учётом сказанного к примерам типа (8). Как мы помним, частица *не* в предлагаемой модели не несёт значения отрицания, и выражение этого значения, вообще говоря, не зависит от присутствия *не*; другое дело, что при наличии в клаузе фонологически выраженной глагольной группы оказывается необходимо выразить согласование с отрицанием, за счёт чего и возникает обязательность *не*. На первый взгляд, в (8) глагольная группа присутствует, а значит должно быть и согласование с отрицанием, а его отсутствие должно вынуждать нас рассматривать такие примеры отдельно от основной массы случаев. С другой стороны, опираясь, в частности, на упомянутое выше замечание Я. Г. Тестельца о семантических особенностях таких употреблений, можно предположить, что одиночные глаголы, сочинённые *ни... ни*, в таких случаях располагаются не в пределах глагольной группы, а в более высокой, возможно фокусной, проекции:

(20) [_{Топик} это [_{Фокус?} [ни удручало, ни забавляло]₁ [_{NegP} Оп ... [_{VP} t₁ ...]]]]

Поскольку глагол претерпел передвижение, *не* уже не может появиться, даже несмотря на присутствие *его*. В подтверждение этой гипотезы приведём случаи, где нераспространённой слева является только одна из сочиняемых глагольных групп (Тискин 2018):

(21) Ни пообщались, ни адреса не объявили, ничего. [Нина Чугунова, Марк Штейнбок. Ангел мой // «Огонек». № 12, 1991]

В таких случаях *не* появляется только в распространённой ГГ — по-видимому, в фокусную проекцию перемещается не глагол, а предглагольное зависимое, тогда как глагол остаётся в сфере действия отрицания и потому несёт согласовательное *не*.

Литература

Былинина Е. Г. О синтаксисе отрицания в русском языке: отрицательные местоимения и конструкция «ни X, ни Y» // Труды международной конференции «Диалог — 2003» / под ред. А. С. Нариньяни. М.: Наука, 2003.

Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. 304 с.

Пазельская А. Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций. Дисс. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. 2006. 216 с.

Тестелец Я. Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой / под ред. Р. И. Розиной, Г. И. Кустовой. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 773–789.

Тискин Д. Б. К обобщению семантики русского *ни... ни* // Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов

(Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.) / отв. ред. Д. Ф. Мищенко. СПб: ИЛИ РАН, 2018. С. 167–170.

Tiskin D. B. Ни- и ни... ни: к вопросу о сфере действия // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума / науч. ред. В. Н. Степанов. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 212–220.

Chierchia G. Logic in grammar: Polarity, free choice, and intervention. Oxford: OUP, 2013. 481 p.

Gajič J. Ni-disjunction as a coordination marker and focus particle // Proceedings of the ESSLI 2016 Student Session / ed. by M. Köllner, R. Ziai. Bolzano: Free University of Bozen-Bolzano, 2016. P. 155–167.

Gajič J. Niti—real negative coordination inside a strict Negative Concord language? // Proceedings of ConSOLE XXVI / ed. by A. van Alem, A. Ionova, C. Pots. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2018. P. 1–21.

Nicolae A. C. Negation-resistant polarity items // Empirical Issues in Syntax and Semantics. 2012. Vol. 9. P. 225–242.

Paperno D. An Alternative Semantics for Negative Conjunction in Russian [Электронный ресурс]. 2014. URL: https://www.dropbox.com/s/9xj57m5z9it15i7/ni_ni_paper.pdf.

Zeijlstra H. Sentential Negation and Negative Concord: PhD thesis / University of Amsterdam, Amsterdam. Utrecht: LOT, 2004. 315 p.

Daniil B. Tiskin

Saint Petersburg State University

(Saint Petersburg, Russia)

daniel.tiskin@gmail.com

NI- AND NI... NI IN RUSSIAN: DISTRIBUTION AND LICENSING CONDITIONS

The paper deals with the distribution of the Russian NPI coordinator *ni... ni* ‘(n)either... (n)or’ insofar as some intricacies of its distribution and interpretation have escaped the attention of previous researchers. Its various uses suggest different conclusions as regards its force and licensing conditions, the prominent options being that it is a conjunction licensed above negation and that it is a disjunction licensed under negation. Similar items in other languages, such as English and SerBo-Croatian, have been recently analysed as disjunctive, but the evidence presented here suggests that at least for some speakers, *ni... ni* has a conjunctive effect and therefore should be assumed to scope over negation at LF. We develop an analysis under which *ni... ni* is doubly licensed, first as a Negative Concord item [Zeijlstra 2004] under negation and then as an item triggering domain alternatives [Chierchia 2013] which has to move above negation lest the truth conditions of the sentence be self-contradictory. Our analysis is then shown to have the potential to assimilate the seemingly

exceptional cases where *ni... ni* is licensed in the absence of the negative particle *ne* to more regular cases.

Keywords: negation, negative polarity, negative concord, coordination, scope.

References

Bylinina E. G. [On the Syntax of Negation in Russian: Negative Pronouns and the Construction *ni X, ni Y*]. *Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog — 2003"* [Proc. of Dialogue 2003]. Moscow, «Nauka» Publ., 2003. (In Russ.)

Chierchia G. *Logic in grammar: Polarity, free choice, and intervention*. Oxford, OUP, 2013. 481 p.

Gajič J. Ni-disjunction as a coordination marker and focus particle. *Proceedings of the ESSLLI 2016 Student Session*. Bolzano: Free University of Bozen-Bolzano, 2016, pp. 155–167.

Gajič J. Niti—real negative coordination inside a strict Negative Concord language? *Proceedings of ConSOLE XXVI*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2018, pp. 1–21.

Nicolae A. C. Negation-resistant polarity items. *Empirical Issues in Syntax and Semantics*, 2012, vol. 9, pp. 225–242.

Paducheva E. V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [The Russian Negative Sentence].

Moscow, «Yazyki Slavyanskoi Kul'tury» Publ., 2013. 304 p. (In Russ.)

Paperno D. *An Alternative Semantics for Negative Conjunction in Russian*. 2014. Available at: https://www.dropbox.com/s/9xj57m5z9it15i7/ni_ni_paper.pdf (accessed 15.11.2019).

Pazel'skaya A. G. *Nasledovanie glagol'nykh kategorii imenami situatsii*. Diss. kand. filol. nauk [The Inheritance of Verbal Categories by Situation Nouns. Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 2006. 216 p. (In Russ.)

Testelets Ya. G. [The Structure of Sentences with Zero Copula in Russian]. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi* [Dynamic Models: Word. Sentence. Text. A Festschrift for E. V. Paducheva]. Moscow, «Yazyki Slavyanskoi Kul'tury» Publ., 2008, pp. 773–789. (In Russ.)

Tiskin D. B. [Towards a Unification of the Semantics of *ni... ni* in Russian]. *Pyatnadsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov* [Proceedings of the Fifteenth Conference on Typology and Grammar for Young Scholars]. St. Petersburg: ILS RAS, 2018, pp. 167–170. (In Russ.)

Tiskin D. B. [*Ni-* and *ni... ni*: The Problem of Scope]. *Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi* [Russian Grammar: Active Processes in Language and Speech]. In press.

Zeijlstra H. *Sentential Negation and Negative Concord*. PhD thesis, University of Amsterdam. Utrecht: LOT, 2004. 315 p.